

Только не очень ли это опять в февральском стиле?

— Все готово, все дано вплоть до океанов, все совершится без наших усилий. От нас ничего не требуется; учить нас не надо; сами проповедовать мы не хотим. Покориться готовы, но желаем остаться «в самом покаянии своем совершенно нераскаянными.» —

Пожалуй, и действительно — рассыпчато, рыхло, нецельно, извилисто.

И уж если нас Тан сравнивает с редиской — снаружи красной, внутри белой, а Россию со свеклой, и черной с красным, кормовой — не сразу укусишь» — то, держась того же огородного репертуара, мой истинно дружеский совет: — не будьте, Бога ради, арбузом.

Снаружи защитная корочка: не белая и не красная — зеленая. А внутри красное с черным. Красная мякоть рыхлая, а косточки твердые. Черные. Мякоть вкусная — ам! и нет ее. Только и осталось, что зеленая корка, да черные косточки... а красное, поминай как звали.

Опасайтесь этого.

Так случается, когда красное бывает рыхлым.

И радиоактивность, колючая и злая в таких случаях не поможет.

Русский интернационал

Мы оказались контрабандистами. Выяснилось это на последнем съезде компартии из доклада Сталина¹ по национальному вопросу. Говоря о сочувствии советской власти, мы — сменовеховцы — стремимся под красным флагом протащить в будущую российскую государственность то, что не удалось Колчаку и Деникину воплотить в жизнь методами «прямого воздействия» — идею Единой, Великой, Неделимой России².

Носители идей великорусского шовинизма, «сменовеховцы, — как свидетельствует Сталин, — приобрели массу сторонников среди советских чиновников. Это вовсе не случайность. Не случайность и то, что господа сменовеховцы похваляют коммунистов большевиков, как бы говоря: вы о большевизме сколько угодно говорите, о ваших интернационалистских тенденциях сколько угодно болтайте, а мы то знаем, что то, что не удалось устроить Деникину, вы это устроите, что великую идею великой России вы, большевики, восстановили, или вы ее, во всяком случае, восстановите».

Одним словом — не надейтесь на своей сменовеховской мякине провести старых партийных воробьев. А поскольку, надо сознаться, такая надежда была бы достаточно наивной, обвинение в сугубой двусмысленности и лукавстве похваливания нами коммунистов-большевиков приходится не брать всерьез. Проще и вернее установить, что мотивы государственного порядка сыграли главную роль в приятии нами многих политических достижений октябрьской революции.

Веления патриотизма были и остаются тем категорическим императивом, который привел нас из белого лагеря в Красную Москву, как в подлинно родную столицу подлинно великой страны. Все остальные идеологические *pro* и *contra* остаются второстепенными, соподчиненными. И вся «Смена Вех» в широких кругах русской интеллигенции происходит именно в этом направлении — на пути к Великой России.

Все «похваливанье» — отсюда. От сознания, что в коммунистической упряжке российская телега из пропасти, в которую ее швырнули отвратительные преступления прошлой царской власти и восхитительные мечтания эсеров-кадетского безвластия, медленно, но неуклонно выбирается на путь истинного величия.

К подлинному великодержавию.

От этого обвинения не отрекаемся. Оно достаточно почетно, чтобы была нужда оправдываться. И если в этом сменовеховский соблазн смущает умы советских служащих — то это лучшая награда за два года борьбы.

«Ворота патриотизма», через которые мы пришли к советской власти, остаются самым надежным путем к так бесконечно нужной России, деловой встрече некоммунистической интеллигенции с коммунистической властью.

Не надо делать эти ворота слишком узкими — ими суждено еще пройти многим десяткам тысяч интеллигентов. Делать из них верблюдов, не могущих, при самом добром желании, пролезть в игольное ушко — едва ли разумно, и государственно.

Все отрицательные последствия проделанного в России опыта огромной социальной нивелировки покрываются тем, что ею достигнуто максимально возможное единство нации. Парадоксальным образом в огне гражданской войны выросло подлинное национальное государство.

Голодные пустыни Заволжья, тяжкий подрыв производительных сил России и... даже граница у Белоострова, Нарвы и Тирасполя — все то, что изживать мучительно и трудно придется целому нашему поколению — оправданы рождением русского народа, как нации

а прочь от России всю негодную шелуху — все лишнее полновесного зерна живого и действенного патриотизма.

Своекорыстие правящих классов бывшей России сделало их не только социально ненужными, но и национально несостоятельными.

Но тем более нужной, своей и неотъемлемой сделалась за эти годы для каждого русского сама Россия.

Сталин прав — не случайность, что идеи сменовехизма приобрели Массу сторонников среди советских чиновников. В них, в этих идеях, или (раскроем скобки) в идеале Великой России настоящая действенная пружина, развернувшая красные знамена от Орши, Киева, Орла и Самары до Батума, Мурманска и Владивостока. Великая Россия вела к победам усталую, измученную тифами, плохо снабженную красную армию... она швыряла русский красный флаг с перевала Урала в степи Задонья, от ледников Кавказа в ущелья Карпат, из топких пинских болот в безводные пустыни Монголии.

Признаем открыто: не отвлеченные идеалы интернационализма, а реальные национальные интересы России гнали прочь из Архангельска, Новороссийска и Баку англичан, очищали от японцев Владивосток и Приморье.

Великая Россия коленом самостийника Петлюры вышибала из Киева немцев, руками украино-гайдамацких банд Григорьева очищала Одессу от французов и греков.

В национальной идее истинный глубинный пафос всего советского строительства, каким бы временным псевдонимом эта идея не была прикрыта. УССР и ДВР и Закавказская Федерация — все это различные грани единой пирамиды.

И, как ни удобно и легко читается РСФСР, как ни хорошо эти пять букв размещаются на углах пятиконечной звезды — в торжественные советские дни, когда серп и молот рдеют на фронтонах иллюминированных зданий — под ними и сове тки й чиновник, и курсант красной армии, и юный рабфаковец и (в дни атеизма, да простится мне дерзостная ересь) старый партийный большевик радостно прозревают вечные неугасимые буквы — РОССИЯ.

Великая Россия — не контрабанда, а полноценный груз, который пронес через бури этих лет корабль революции.

И это — ее паруса, ее движущая сила.

Революция — вместо «войны до победоносного конца», давшая Брестский «похабный» мир, — горела пламенем национальной идеи, была насыщена пафосом.

Наше приятие революции, несмотря на кровь и слезы, мор и глад, развалины и пожарища не только за то, что революция освободила

народы России. Наше большое, утверждающе ДА октябрьскому смерчу прежде всего за то, что он разбудил и освободил русский народ.

Освобожденный от смертных объятий царизма, русский народ не освобожден историей от своего векового задания — на необъятных просторах шестой части света, среди десятков племен и народов быть побуждающей, двигающей вперед, культурной соединяющей силой. И в Новой России понимание этого основного факта прошлой и фактора будущей истории — непререкаемое требование жизни к каждому государственному деятелю. Ибо не только на крови других малых народов, но и кровью великого русского народа строилась Россия.

Уточним, во избежание кривотолков, понятия, поставим все точки над «і».

Борьба за старые идеалы в новых условиях не только указала новые пути к ним, но и в привычные старые, понятия вложила расширенный, обновленный смысл.

Многие старые слова приобрели новое значение, иные словосочетания утратили всякий смысл, а ими все еще пользуются: расставляют точки над «и» восьмеричными. Патриотизм Маркова³, идеалы Великой России В. Шульгина⁴ — это точки над давно упраздненным і, Патриоты Великой России, — мы с нищи не соприкасаемся ни в одной линии. Давно утеряно понимание и общий язык с так когда-то близкими П. Струве, Н. Бердяевым и другими. Национальный порыв тускнеет и вырождается в национальных комитетах, содержимых на иностранные деньги. Яркий патриотизм остывает и выцветает на службе социально отживших слоев. Подлинный реальный пафос незаметно разменивается на дешевую прикладную мистику.

Тем острее потребность в выявлении нового патриотического сознания. Тем настойчивей нужда в формулировке его заветов и требований. Эта потребность так велика, что идея Великой России проникла даже в некоторые партийные учреждения. Сталин «был свидетелем того, как на февральском пленуме раздавались речи, несоответствующие коммунизму, — речи, не имеющие ничего общего с интернационализмом».

Несправедливо требовать, чтобы сменовеховцы были «роялистами более, чем сам король». Однако, думается, что самой жизнью русскому патриоту диктуется интернационалистский уклон. Притом в значительно большей мере, чем то мыслилось те года назад, когда писался пражский сборник⁵. Надо принять не только утилитарное значение Коминтерна на службе веской государственности,

но и учесть, притом очень высоко, значение интернациональной идеи в деле строительства Новой России. Именно эта идея сможет цементировать десятки племен и народов, Различных по быту и языку, истории и религии. Новая Россия — сама уже целый интернационал и построить ее государственность на национальном угнетении, на механической скрепе малых народов семидесятимиллионным великорусским прессом — задача заведомо неразрешимая ущерб прочности постройки.

Шовинизм этого рода должен быть чужд новому патриотическому сознанию, однако, и одна интернациональная идея сама по себе, даже вкуче с экономической необходимостью, еще не даст зданию Великой России достаточной спайки. Ее может создать только мощная работа по культурному сближению народов Советской Республики, по подъему их экономических ресурсов, по приобщению их к мировому историческому процессу. Эта задача выпала на долю русского народа — является его исторической миссией.

Спокойное и гордое сознание своей культурной роли — не шовинизм российского интеллигента, а выстраданное веками мучительнейшей истории право твердо знать свое место в родной стране.

Народ, под вековым гнетом деспотии, несмотря на тяжелое национальное иго татарщины и полячины, социальное иго отечественного крепостничества и иностранного капитала, создавший на двух материках мощную национальную культуру — заслужил право на культурное водительство.

Русский язык служит средством общения для всех народов от Атлантического океана до Великого... и когда в «Правде» (не помню автора) появляется статья, проливающая слезы над русским засильем в Марийской республике — ибо там в школах преподают ребятам русский язык, а не создают кадры учителей марийцев, не переводят и не печатают на марийский (?) язык географию и алгебру — мы остаемся спокойны⁶.

Не потому, что мы шовинисты, а потому, что такого рода статьи ничего общего с интернационализмом не имеют: задача и русской и мировой истории, чтобы марь и чудь и более крупные национальные единицы возможно скорей приобщились к высшей русской культуре. А приобщиться к ней, значит быть ею впитанным, раствориться в том интернационале, имя которому — РОССИЯ.

Не насилие императорской власти, не самомнение русского шовинизма, не мечты, воинствующего национализма, а властная историческая судьба поставила в культурные шефы над десятками племен и народов — русский народ.

В сознании своей исторической ответственности, вместе со всем народом и впереди него должна принять это шефство русская интеллигенция. Прежде всего ее самая активная, волевая, жизнеспособная часть — новая интеллигенция, рожденная в огне революции и им закаленная, как плуг, взрывающий просторы народов и пространств.

ВЕЛИКОЙ НОВОЙ РОССИИ

В семнадцатом году, сразу после революции, все нации бывшей империи в спешном порядке принялись устраивать свою судьбу, строить свою национальную культуру и готовить свою национальную власть.

В восемнадцатом самоопределение дошло «вплоть до отделения»; культурное и творчество малых народов ограничивалось ущемлением культуры русской и призывами к великим державам о помощи в этом занятии. Лишь один народ ни на минуту, не ушел в свои домашние дела, не занялся националистическим крохоборством исторического первородства на чечевичную похлебку «самоопределения». Это был русский народ. Идея национальной исключительности, замкнутости чужда нашему народному характеру.

Русский человек, прежде всего, человек, а потом уже русский. Но именно, как русский он является человеком в наиболее полном значении этого слова.

В этом вся разгадка непреодолимо раздвигающей все грани и препятствия русской экспансии.

В этом завет обновленного русского Великодержавия.

В этом залог и обещание красного флага русского интернационала всюду, где когда-то развертывался трёхцветный флаг — от берегов Прута до угрюмых скал Ботанического залива.

